

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“
ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ
журнала «ИГРУШЕЧКА».

1891

А П Р Ъ Л Ъ № 4.

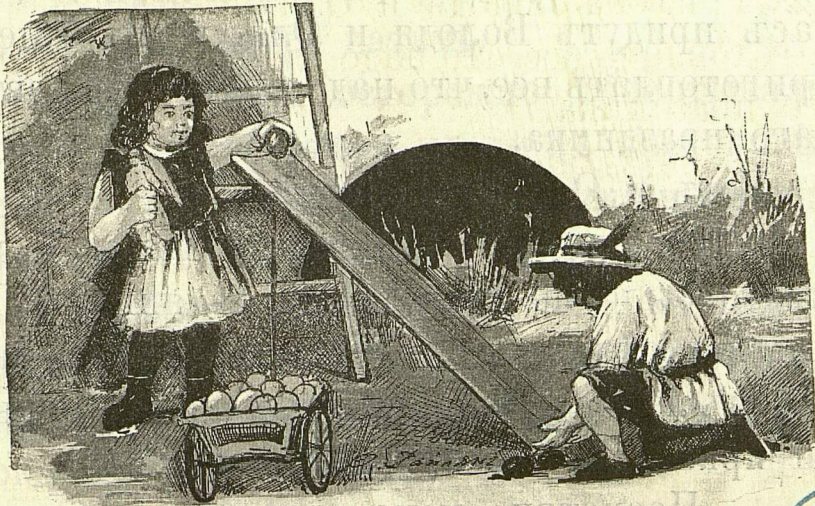
ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТР.
I. Мраморное яичко. <i>Бумз-бумз</i> . Съ рисункомъ .	49
II. Каштанка. <i>II. Бъловой</i> . Съ двумя рисунками .	54
III. Весенняя картинка. <i>Ивана Бълоусова</i>	58
IV. Маня. <i>Григорія Грушевскаго</i> . Съ рисункомъ.	60
V. Веселый воробей. <i>Екатерины Анненковой</i> . Съ рисункомъ.	63
VI. Миша и мопсикъ. <i>Маріи Львовой</i>	64

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресь редакціи: Сергіевская, д. № 26.

Катай осторожнѣе Леля а то опять разобьешь.

МРАМОРНОЕ ЯИЧКО.

— Неужели только? И больше нѣтъ?— говорила со слезами въ голосѣ Лёля своей мамѣ, увидя въ корзиночкѣ десятокъ яицъ.— Я думала, что ты купишь вотъ столько,— и она указала на бѣлевую корзину, въ которой лежали ея изломанныя игрушки.

— Помилуй, въ эту корзину взойдетъ столько, что ты и не перечесть.

— Мнѣ надо много яичекъ, мама. Надо дать нянѣ десять, Аннушкѣ пять, Ефиму, ихъ гостямъ, дворникамъ, трубочистамъ, всѣмъ, всѣмъ, кто будетъ къ намъ приходить.

— Успокойся, выкраси сначала эти. Сейчас придутъ Володя и Оля, и мы будемъ готовить все, что надо для встрѣчи свѣтлаго праздника.

Вотъ и Оля съ Володей.

Дѣти радостно обступили маму. У каждаго было по корзиночкѣ съ яйцами. На столѣ стояли тарелки, рѣшета, ступки; тамъ и сямъ лежалъ разноцвѣтный шелкъ, обрывки яркаго ситца, луковыя перья...

— Посмотри, мама, сколько я купилъ разныхъ красокъ, — сказалъ Володя, ставя на столъ цѣлый десятокъ маленькихъ пузырьковъ.

— А почему ты мнѣ не купилъ красокъ?—сказала Лёля.—Я хочу имѣть свои краски, свой шелкъ и свои перышки. Покажите-ка мнѣ свои корзинки.

— Ай-ай, сколько вы набрали яицъ и какія крупныя!.. Мама, Володя съ Олей всё яйца обобрали. У нихъ, кажется, по пятидесяти въ корзиночкахъ лежатъ. Все обобрали!

— Что ты, Лёля, развѣ въ такія корзиночки можетъ войти по пятидесяти яицъ. Сочти, у нихъ столько же, сколько и у тебя. Принеси свою корзиночку.

— Я переложила ихъ въ телѣжку. Сей-

часъ я привезу, а ты мнѣ дай еще, мама. Мы будемъ завтра катать.

Володя и Оля осторожно обвертывали шелкомъ яички, затѣмъ клали въ чистенькія тряпочки и, обвязавъ ихъ толстыми нитками, опускали въ кастрюлю съ кипяткомъ...

— Выйдетъ какая-нибудь гадость!—говорила имъ Лёля. — Выбрали всѣ крупныя яича и думаете, будетъ роскошь!.. А я говорю, выйдетъ гадость!..

— Посмотримъ; какія будутъ, такія и будутъ,—отвѣчали дѣти.

Няня принесла и поставила на столъ хорошенькаго, съ черными глазками изъ коринки и вызолоченными рожками, барашка изъ масла.

— Ахъ, няня,—закричали дѣти.—Вотъ прелесть!

— Надо подъ него, няня, положить, кресъ-салатъ, тогда онъ будетъ лежать точно на травкѣ,—сказала Оля.

— Ты бы и намъ, няня, по барашку сдѣлала, по маленькому, только чтобы были также золотые рожки. У насъ, знаешь, будутъ маленькія пасочки, куличики, ну, надо и барашковъ,—сказалъ ласково Володя.

— Не знаю, хватитъ ли масла. Наша

Сергѣевна, — и няня показала головой на Лёлю, — все масло съ хлѣбомъ съѣла.

— Лёля! — закричали дѣти, — ты съѣла все масло! Вотъ стыдъ... Неужели ты никогда не ѣла масла?

— Какія чудныя вышли яички, — сказала Оля, развертывая осторожно тряпочки. — Ухъ, какъ горячо!

Лёля начинаетъ ей помогать и скоро-скоро тянетъ нитку.

— Пожалуйста, оставь... Тебѣ все надо скорѣй...

— Ай-ай... Какое! Отдай мнѣ его, Оля. Пожалуйста отдай... Скоро мое рожденье, тогда не дари мнѣ ничего, только дай мнѣ это яичко.

— Ишь какая! Это мамѣ...

— Ай, какое!.. Ну, мраморъ и мраморъ. Отдай, Оля, я тебѣ за него всѣ свои отдамъ.

Лёля перешла къ Володѣ. Онъ осторожно вытиралъ выкрашенные яички фланелькой, пропитанной масломъ. Они такъ и блестѣли на тарелкѣ, точно покрытыя лакомъ.

— А ты что же, Лёля, не красишь свои? — спросилъ ее Володя.

— Не хочу... На чтò они мнѣ. Стòбитъ красить десять яицъ.

— Отчего же не стóбитъ... Мы своими похристосоваемся съ папой, мамой и няней, а для тѣхъ, кто къ намъ придетъ, мама дастъ намъ красненькихъ.

Лёля стоитъ около барашка и потихонечку съ одного бока отдѣляетъ пальцемъ завитокъ за завиткомъ его волнистой масляной шерсти.

— Лёля, что ты дѣлаешь?!. Начинаешь ѣсть барана... фи! какая нехорошая!—и Оля отвела ее отъ стола. — Привези свою телѣжку съ яйцами и начинай ихъ красить.

Лёля пошла за телѣжкой и въ ту минуту, какъ она стала подвозить ее къ столу, откуда ни возмись Мурка, скокъ на телѣжку, телѣжка перевернулась, яйца вывалились и... на полу совершенно неожиданно явилась яичница-глазунья. Мурка подошла, понюхала, хотѣла лапкой захватить кругленькій желтокъ, но острые когти прорвали его, и она, отряхнувъ испачканную лапку и поднявъ хвостъ, бросилась на диванъ, и пока Лёля ахала и охала, Мурка сидѣла и умывала лапкой мордочку.

— Не плачь, Лёля,—говорила ей ласково Оля,—на, возьми мраморное яичко, которое тебѣ такъ нравилось.

— Давай, Оля, раздѣлимъ поровну наши яички съ Лёлей,—сказаль Володя.—У насъ ихъ двадцать, хватить троимъ... Хочешь, Лёля?

— Хочу...

— Мраморное яичко ты оставь у себя,—сказала ей Оля,—можешь сохранить его до будущаго года...

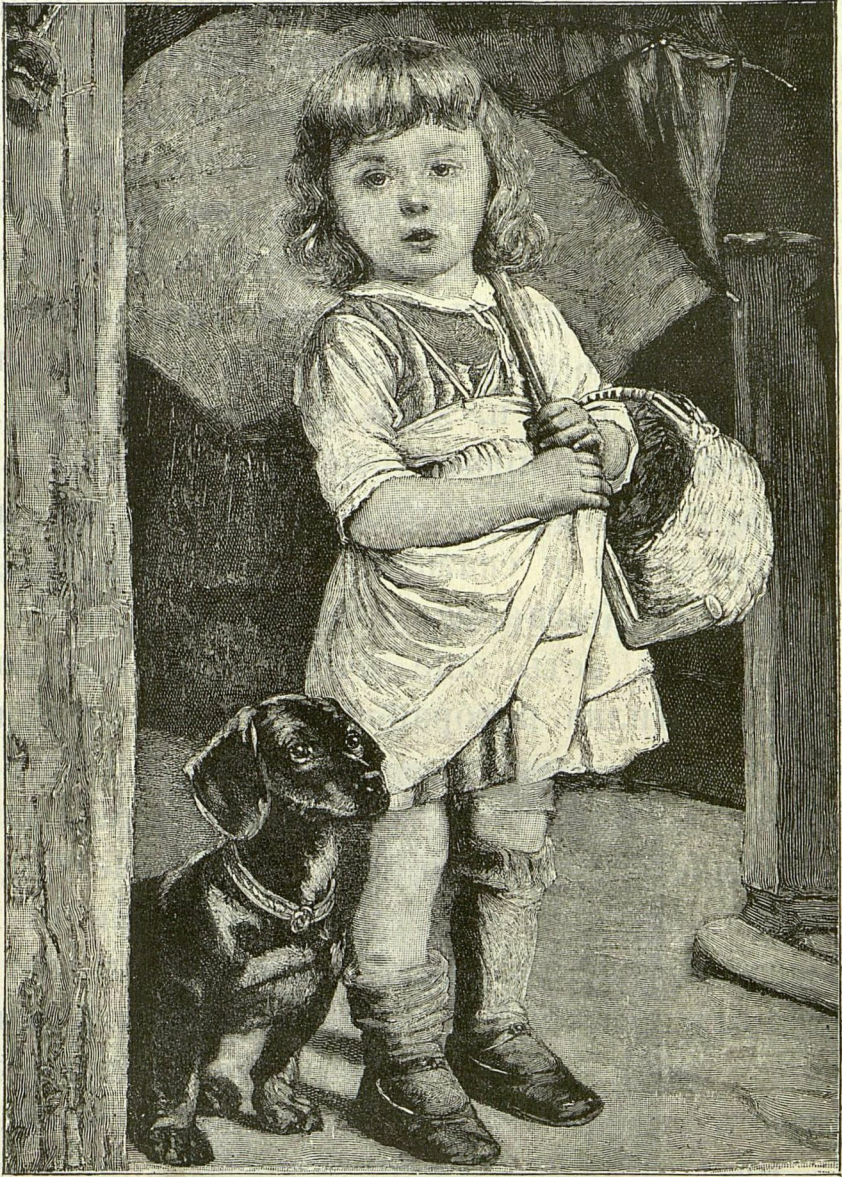
— Нѣтъ, я отдамъ его моей мамусѣ,—отвѣтила Лёля, рыдая.

Бумъ-бумъ.

КАШТАНКА.

Катѣ дядя привезъ изъ Германіи собачку въ подарокъ. У собачки были очень короткія кривыя ноги, гладкая рыжеватая шерсть и большіе выразительные глаза. Катя назвала собачку Каштанкой и очень гордилась ей. Сначала собачкѣ было скучно, потому что она ничего не понимала по-русски, но когда къ Катѣ пришла подруга, ма-

Катя вышла въ садъ нарвать цвѣтовъ для своихъ куколъ и
Каштанка идетъ рядомъ съ ней...

ленькая нѣмка, и заговорила съ Каштанкой по-нѣмецки, то она запрыгала и завиляла хвостомъ отъ радости. Скоро Каштанка начала понимать по-русски и сдѣлалась очень милой и послушной собакой. Она очень любитъ Катю и никогда не расстаётся съ ней. Если Катя гуляетъ, Каштанка идетъ рядомъ съ ней, а когда дѣвочка садится учить уроки, то собака смиренно сидитъ около нея и, хотя ей очень хочется побѣгать и поиграть, но она терпѣливо ждетъ, пока Катя приготовитъ уроки, закроетъ книгу и скажетъ:

— Ну, Каштанка, я кончила!

У Кати есть еще очень забавная кошечка—Милка, которая становится на заднія лапы и служить, какъ собака. Когда Милка хочетъ, чтобы отворили дверь, она поднимается на заднія лапки и мяукаетъ до тѣхъ поръ, пока ей не отворять. Милка и Каштанка очень любятъ другъ друга и часто играютъ вмѣстѣ. Кошка хорошо ловитъ мышей и любитъ ихъ ѣсть, а собака, хотя и умѣетъ ловить ихъ, но никогда не ѣсть.

Разъ Каштанка поймала въ конюшнѣ мышъ, загрызла ее и оставила на мѣстѣ. Когда она пришла въ кухню, гдѣ Милкѣ

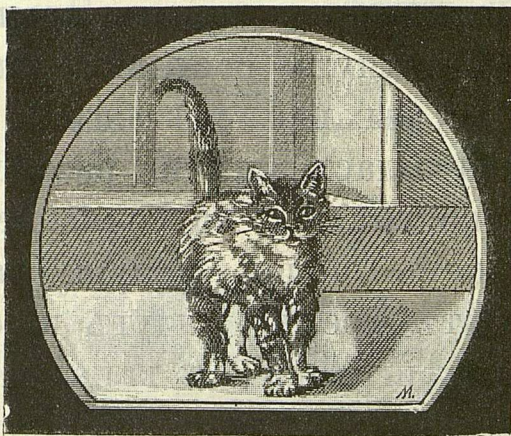
былъ приготовленъ обѣдъ, ей тоже захотѣлось ѣсть, и она съѣла половину Милкина кушанья. Кошкѣ это не понравилось. Она даже слегка ударила Каштанку лапой. Черезъ нѣсколько времени Каштанка пошла въ конюшню, взяла мышъ за хвостъ, принесла ее къ Милкѣ и положила передъ ней, какъ бы говоря:

— Вотъ тебѣ мышъ за то, что я съѣла половину твоего обѣда.

Милка принялась ѣсть мышъ, а Каштанка побѣжала къ Катѣ, которая приласкала ее, говоря:

— Славная, моя Каштаночка, славная!..

П. Бѣлова.

Милка поджидаетъ Каштанку.

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА.

Ъ юга тепломъ потянуло...

Солнышко стало тепло пригрѣвать. Подъ снѣгомъ вода зажурчала. Небо такъ стало глубоко и сине, а облачка бѣлы и чисты, какъ снѣгъ. Въ полѣ—на кочкахъ, пригоркахъ, осво-

бодившись отъ снѣга, темными пятнами стала виднѣться земля. Сосульки на крышахъ избушекъ къ утру намерзнуть, а въ полдень веселое солнце солону на крышѣ пригрѣетъ — и рухнуть сосульки, уткнувшись въ мягкій и рыхлый снѣжокъ...

Дѣдушка Власъ ужъ не разъ выходилъ на крылечко грѣться на солнышкѣ.—Выидеть, одѣнетъ полой полушубка внука Ванюшу лѣтъ трехъ. Сядутъ и смотрятъ, какъ солнце играетъ въ капеляхъ, радужнымъ искрясь огнемъ; смотрятъ, какъ съ крикомъ, вдали, надъ деревней, въ поле несутся грачи. — Ждутъ они пахарей. Скоро,

ужь скоро полоской родною пахарь съ лошадкой своею пойдетъ, рыхлую землю прорѣжетъ сохою, гладко расчешетъ ее бороной. Солнышко землю пригрѣетъ теплѣе, — травкой съ цвѣтами одѣнется лугъ и зашумитъ, зеленѣя листвою, въ новомъ нарядѣ лѣсокъ...

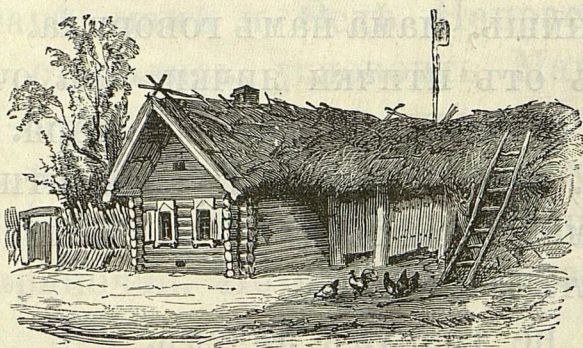
— То-то Ванюшѣ-то будетъ раздолье! — внучку тихонько старикъ говоритъ. — Будетъ онъ бѣгать по травкѣ-муравкѣ, цвѣтики рвать на лугу... Ну, а теперь, что-то зябко, — пойдѣмъ-ка грѣться на печку съ тобою опять...

— Что же, ты сказку тамъ скажешь мнѣ, дѣда?

— Сказку? — Пожалуй...

Ушли. Солнышко свѣтитъ попрежнему ярко. Тихо. Лишь слышно, какъ, падая съ крыши, капли по снѣгу шуршатъ!..

Иванъ Вѣлоусовъ.

М А Н Я.

Однажды, Маня бѣгала по саду съ братомъ Федей и замѣтила въ кустѣ крыжовника маленькое гнѣздышко, откуда только-что вылетѣла красивая птичка. Наклонившись къ гнѣздышку, она увидѣла въ немъ четыре маленькихъ яичка. Ма-

Маня бѣжитъ къ гнѣзду зарянокъ.

ня очень обрадовалась своей находкѣ и показала Федѣ гнѣздышко. Федя бросился къ яичкамъ и хотѣлъ взять ихъ, но Маня сказала ему:

— Федя, голубчикъ! не обижай птички. Ты помнишь, мама намъ говорила, что если отобрать отъ птички яички, она очень печалится и иногда умираетъ съ горя. Не трогай ихъ, милый Федя! Пускай птичка выведетъ маленькихъ дѣтокъ, и мы станемъ наблюдать за ними.

Федя не тронулъ яичекъ.

Черезъ нѣсколько дней Маня увидѣла въ гнѣздѣ маленькихъ птичекъ и сказала объ этомъ папѣ, мамѣ и Оедѣ. Каждый день Маня бѣгала въ садъ, чтобы посмотреть на малютокъ-птичекъ.

Узнавъ какъ-то отъ папы, что эти птички—зарянки и что онѣ питаются муравьиными яичками и мушками, Маня ловила мушекъ, бѣгала къ гнѣздышку и кормила малыхъ птичекъ. Птички, замѣтивъ Маню, наперерывъ раскрывали рты, полагая, что это ихъ мать; и Маня бросала имъ мушекъ; а для матери-зарянки сыпала возлѣ кустарника муравьиныя яички, которыя доставлялъ ей Андрей—ихъ работникъ.

Но радость Манина была непродолжительна.

Однажды, она пришла къ гнѣздышку и увидѣла, что оно пусто. Со слезами на глазахъ она побѣжала домой и рассказала объ этомъ папѣ, мамѣ и Оедѣ. Напрасно папа и мама старались успокоить Маню; она плакала неутѣшно. Мама, видя горе Мани, поѣхала въ городъ, купила тамъ хорошую куклу и положила ее возлѣ гнѣздышка, гдѣ были зарядочки. Потомъ папа сказалъ дочери:

— Пойдемъ, Маня, въ садъ. Можетъ быть, твои заряночки ужъ возвратились въ свое гнѣздышко.

— Пойдемъ, папочка!

И они пошли въ садъ; подошли къ гнѣздышку и увидѣли тамъ только куклу; Маня горько заплакала и сказала:

— Не бери, папочка, куклу, ее кто-то подложилъ сюда вмѣсто моихъ заряночекъ, а ихъ унесъ... Я ихъ такъ любила, такъ любила!.. Эту куклу положилъ кто-то недобрый.

Но папа сказалъ ей, что куклу положила тутъ ея мама, надѣясь этимъ успокоить милую дочку.

Долго еще плакала Маня и только вечеромъ успокоилась, когда папа сказалъ ей:

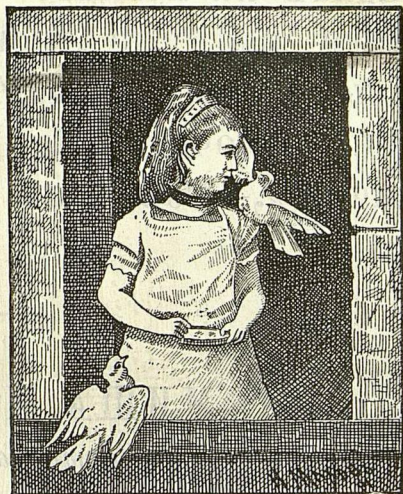
— Не плачь, Маня! Птички твои улетѣли, такъ какъ имъ пришло время оставить гнѣздышко. Потерпи, зарянки снова возвратятся къ своему гнѣздышку и снова выведутъ въ немъ хорошихъ, красивыхъ малютокъ, и ты опять ихъ будешь кормить мушками и муравьиными яичками.

Спокойно заснула Маня съ надеждою снова увидѣть своихъ любимицъ.

Григорій Грушевскій.

ВЕСЕЛЫЙ ВОРОБЕЙ.

До весны съ нами распростилось солнышко. Хоть и зимою стоитъ оно въ небѣ, да не грѣетъ; холодно зимою! И птичкамъ холодно. Тѣ, что понѣжнѣе, улетѣли отъ нашей зимы подальше, гдѣ тепло. А воробышекъ не тужить; были

Надя кормить голубковъ...

бы зернушки! А зернушкамъ какъ не быть. Вонъ стоитъ пара лошадей, запряженныхъ въ карету. Къ мордамъ ихъ привязаны мѣшки съ овсомъ. Лошади ѣдятъ овесъ,— кое-что и воробышкамъ перепадаетъ. Они тутъ же, у ногъ лошадей, вертятся и подбираютъ упавшія зерна.

Надя ѣстъ утромъ булочку съ молокомъ. Насорила немало крошекъ на скатерть. Няня всѣ крошки собрала и высыпала въ форточку, на карнизъ окна. Смотритъ Надя сквозь стекло зимней рамы,—одинъ воробей спустился на карнизъ и поклевываетъ вкус-

ныя крошки; это самый храбрый; онъ будто говоритъ своимъ товарищамъ, которые сидятъ на крышѣ: «Ну, что же вы?—Идите, Надя насъ не тронетъ». — Порхъ!.. вотъ ихъ сколько налетѣло; понравилась Надина булочка. «Ну, до завтра, больше нѣтъ ничего»,—говоритъ Надя.

Екатерина Анненкова.

МИША И МОПСИКЪ.

(Картинка съ натуры).

Миша, играя съ маленькимъ мопсомъ, вздумалъ дернуть его за хвостъ. Мопсъ завизжалъ отъ боли и въ свою очередь цапнулъ Мишу за палець.

Мальчикъ горько заплакалъ.

— Что ты скажешь на это?—спросила его мама.

— Что скажу? — отвѣчалъ Миша, подумавъ минуту,—я самъ виноватъ, потому первый задѣлъ мопса—ему было больно, и онъ тоже сдѣлалъ мнѣ больно.

— Ну, не плачь и не задѣвай другихъ...

Марія Львова.

Редакторъ-издательница А. Н. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВЪРОВА.

Дозвол. цензур. Спб. 18 марта 1891 г. Типографія А. М. Вольфа, Б. Итальянск., 2.

